
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Вечером 10 ноября 1982 года спешно собрали Политбюро ЦК КПСС. Обычно заседания высшего органа власти проходили по четвергам и начинались в одиннадцать утра. Но тот день был особым. Ждали до вечера, чтобы в Москву успели прилететь спецрейсами входившие в политбюро руководители республик.

Политбюро заседало в Кремле в здании правительства на третьем этаже. На том же этаже располагался кремлевский кабинет генерального секретаря (второй, рабочий, находился в здании ЦК партии на Старой площади). Когда все собрались в так называемой ореховой комнате, где был огромный круглый стол, перешли в находившийся по соседству зал заседаний.

Открыл заседание Юрий Владимирович Андропов, фактически второй человек в партии (должности второго секретаря ЦК КПСС не существовало). Он сообщил о смерти Леонида Ильича Брежнева, который руководил страной восемнадцать лет.

Андропов сам выглядел неважно. Давно его не видевший старый знакомый отметил, что Юрий Владимирович сильно изменился: «Лицо бело, спорит в цвете с седыми волосами. Непривычно тонкая шея, окаймленная ставшим вдруг необъятным воротничком сорочки. Голова кажется еще более крупной. Глаза тоже другие».

Как положено, помолчали несколько минут.

Молчание прервал секретарь ЦК Константин Устинович Черненко, ведавший партийным аппаратом. Тяжело дыша, он скороговоркой напомнил о необходимости безотлагательно решить, кто возглавит партию, и добавил:

— Я предлагаю избрать генеральным секретарем ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова.

Министр обороны Дмитрий Федорович Устинов, не снимавший мундира с тех пор, как его произвели в маршалы, уверенно сказал:

— Армия поддерживает товарища Андропова.

На этом дискуссия завершилась, не начавшись. Мнение министра обороны, входившего в состав политбюро, стало решающим. Противоречить министру или даже выражать сомнение в правильности его действий было политически опасным. И некоторым наивным смельчакам стоило карьеры.

Андропов и Устинов дружили, были на «ты», обращались друг к другу по имени. Тем не менее Юрий Владимирович, став главой партии и государства, неожиданно перевел в Москву первого секретаря Ленинградского обкома Григория Васильевича Романова и сделал его секретарем ЦК по военно-промышленному комплексу.

Романов по распределению обязанностей в Секретариате ЦК руководил двумя ключевыми отделами ЦК — оборонной промышленности и машиностроения. Отделу оборонной промышленности подчинялся весь военно-промышленный комплекс. Иначе говоря, Романов получал определенную власть над министром обороны Устиновым.

Хитроумный Андропов, не переставая повторять, что Дмитрий Федорович ему товарищ и опора, что он ни в коем случае не должен обижаться, нашел министру обороны противоядие в лице Романова, которому по случаю шестидесятилетия присвоил звание Героя Социалистического Труда.

Устинов был возмущен этим назначением, но поделаться ничего не мог. При Брежневe он в течение четырех лет не допускал избрания секретаря ЦК по военным делам. Сам руководил одновременно и вооруженными силами, и оборонной промышленностью. То есть был абсолютно бесконтролен.

Что же произошло?

Юрий Владимирович действительно находился в отличных отношениях с Устиновым. Они помогали друг другу. Но, став хозяином страны, Андропов решил на всякий случай ограничить влияние маршала Устинова и лишиться Министерства обороны статуса неприкасаемого и неконтролируемого ведомства.

Человек крайне подозрительный, Юрий Владимирович боялся концентрации власти в чьих-то руках. Знал, вероятно, что военные не были особенно рады его назначению генеральным секретарем: у военных с Комитетом госбезопас-

ности непростые отношения. Военных вовсе не радовало, что на Лубянке существовало целое управление, которое следило за вооруженными силами.

Андропов, недавний руководитель КГБ, одного из главных силовых ведомств, в роли хозяина страны исходил из того, что за силовиками надо присматривать, никому из них не давать монополии на власть, а, напротив, сохранять между ними конкуренцию. И ни в коем случае не терять бдительности...

Последнего русского императора Николая II и столетие спустя все еще судят за претензии на «самодержавность», а в реальности за слабость: не удержал, не совладал, все потерял — и трон, и империю, и жизнь. «Слабая» власть — худшая из русских бед. На нее не перевалишь все заботы и проблемы. При такой власти приходится принимать на себя часть ответственности за устройство жизни...

Нет, покоряться можно только великому и ужасному! Это даже приятно. Те же люди, которые весной семнадцатого года топтали портреты свергнутого императора, осенью захотели восстановления сильной — то есть идеальной — власти. И поддержали большевиков, которые установили не сравнимую с царским самодержавием диктатуру.

Член ЦК кадетской партии, либеральной и интеллигентской, записал услышанные им в революционном году слова относительно большевиков:

— Народу только такое правительство и нужно. Другое с ним не справится. Вы думаете, народ вас, кадетов, уважает? Нет, он над вами смеется, а большевиков уважает. Большевик каждую минуту застрелить может.

Результатом революции становится еще большее укрепление государственного аппарата, против чего, собственно, и затевалась революция. Революция разрушает только фасад, а сама система мало меняется, архаика берет верх над модернизацией. Диктатура — самое простое устройство жизни. Вернулись на традиционный путь: царь или вождь всем руководит и объясняет: и как пахать, и как строить, и как пожары тушить. Все слушают, кивают, докладывают об исполнении. И всё делается через пень-колоду. С одной стороны, зачем проявлять инициативу, стараться, если на всё нужна команда сверху. С другой — исчезает способность к самостоятельности. А ненужные органы атрофируются.

Неуверенные в себе нуждаются во власти как покровителе и защитнике. Больше рассчитывать не на кого! Самим ни за что не справиться со множеством повседневных проб-

лем. Не потянуть. Не осилить... При этом прекрасно понимают, что чиновники наобещают и не сделают, обманут и обведут вокруг пальца. Но у них и власть, и деньги. И люди вздыхают: «Плетью обуха не перешибешь».

Когда большевики взяли власть, это была не революция, а контрреволюция. Октябрь отменил демократические завоевания, которые дал России Февраль. Но демократией и свободой, похоже, никто и не дорожил. Страна, напуганная хаосом и анархией, приняла большевиков как сильную и уверенную в себе власть.

Октябрь знаменовал и отказ от обновления страны.

С семнадцатого года на все острые, болезненные и неотложные вопросы, возникающие перед обществом, даются невероятно примитивные ответы. Что бы ни произошло в стране, реакция одна: запретить, отменить, закрыть. Усложняющийся и набирающий невиданный темп мир рождает страх. И звучит испуганный призыв: ничего не менять! Оставить как есть! Убежать от настигающих общество проблем. Максимально упростить реальность, то есть навести порядок!

«Против наших окон стоит босяк с винтовкой на веревке через плечо — “красный милиционер”, — записал в дневнике Иван Алексеевич Бунин. — И вся улица трепещет так, как не трепетала бы прежде при виде тысячи самых свирепых городских».

Так появились силовики, которых в старой России не было.

Силовики и силовые ведомства понадобились, когда политические вожди захватили власть и решили никому ее не отдавать. Нужны были структуры и ведомства, свободные от норм закона, правил и ограничений. Готовые исполнить любой приказ. Избавить от врагов, соперников и конкурентов.

Силовики — всего лишь инструмент. Но инструмент настолько мощный и опасный, что вожди сами их побаивались. Восхождение на олимп стало немыслимым без поддержки силовиков. Ссора с ними вела к потере кресла.

Но эта зависимость вовсе не гарантировала комфортной жизни силовикам, которые сами постоянно становились жертвами политических интриг, ожесточенной борьбы за власть и прямых репрессий, лишались высоких званий и начальственных кресел, свободы, а то и жизни.

Вожди боялись излишнего укрепления госбезопасности. При советской власти сменилось семнадцать хозяев Лубянки, из них пятерых расстреляли — практически каждого третьего.

Часть первая

НОВЫЙ РЕЖИМ И НОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ТРОЦКИЙ. НАШИ БОНАПАРТЫ

«На вокзале в Москве ему была устроена торжественная встреча, — вспоминал один из руководителей Военного министерства летом 1917 года Федор Августович Степун. — На площадь он был вынесен на руках. Народ приветствовал его раскатистым “ура”... Когда в Большом театре появилась небольшая фигура Корнилова, вся правая часть зала и большинство офицеров встают и устраивают генералу грандиозную овацию. Зал сотрясается от оглушительных аплодисментов, каких в его стенах не вызывал даже Шляпин».

Невероятная популярность сыграла с Лавром Георгиевичем Корниловым злую шутку. Самый знаменитый в ту пору генерал ощутил себя более значительной фигурой, чем был в реальности. А его окружали очень амбициозные люди, желавшие сменить правительство, взять власть и обосноваться в Зимнем дворце. Они внушали Корнилову, что только он способен спасти Россию, а стране нужна военная диктатура. Падкий на лесть генерал поверил, когда его назвали вождем. В нем проснулись невероятные амбиции.

Наполеон из Корнилова не получился. Как тогда говорили: Корнилов — солдат, а в политике младенец. Лавр Георгиевич, человек эмоциональный, импульсивный и прямолинейный, и мятежником оказался спонтанным. Многие офицеры, напуганные хаосом революции, его поддерживали, но солдаты не приняли сторону генерала, потому что совершенно не хотели ни воевать, ни вновь становиться во фронт.

После октября семнадцатого генерал Корнилов возглавил только что зародившееся Белое движение и погиб в первом же большом сражении с большевиками под Екате-

ринодаром. А страх перед появлением военного, который возьмет власть и станет диктатором, сохранился.

Большевики помнили о Корнилове и всегда побаивались амбициозных военных. Опасность военного переворота казалась вполне вероятной.

Историк и публицист Николай Васильевич Устрялов, который присоединился к Белому движению и издавал газету в Омске, пока там стояли войска адмирала Александра Васильевича Колчака, писал, что большевики-то избавились от страха появления нового Наполеона, поставив во главе Красной армии Троцкого.

«А у нас, — сокрушался Устрялов, — нет своего “Троцкого”. В отличие от большевиков мы были бы вполне удовлетворены, если бы вопрос разрешился у нас явлением “Наполеона”. Однако, увы, и Наполеона у нас нет».

Кто сейчас поверит, что в годы Гражданской войны и сразу после нее политические занятия в Красной армии начинались с темы «Вождь и создатель Красной армии тов. Троцкий»? В казармах и красных уголках воинских частей висели портреты Льва Давидовича Троцкого, председателя Реввоенсовета Республики, наркома по военным и морским делам. Бойцы и командиры клялись Троцкому в верности и вечной любви.

15 января 1918 года Совет народных комиссаров (правительство Советской России) принял декрет об организации Рабоче-крестьянской Красной армии на добровольческой основе. Но солдаты царской армии, уставшие от Первой мировой войны, больше служить не желали. Советская власть висела на волоске.

13 марта Совет народных комиссаров назначил члена ЦК партии большевиков Троцкого народным комиссаром по военным делам. Ему предстояло создать новую армию. Казалось, Троцкий взялся за невыполнимое дело. Но он справился: в мае 1918 года Красная армия насчитывала триста тысяч бойцов, осенью — больше миллиона.

2 сентября 1918 года постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета (высший орган государственной власти) объявило республику военным лагерем: «Во главе всех фронтов и всех военных учреждений республики ставится Революционный военный совет».

Председателем Реввоенсовета назначили Льва Троцкого. Наступил его звездный час. На время Гражданской войны он получил диктаторские полномочия. Но диктатором не стал. И не только потому, что не стремился к едино-

личной власти. Вооруженные силы оказались под плотным контролем комиссаров и особистов.

Троцкий в армии не служил. О военном деле имел весьма относительное представление. Но сразу занял принципиальную позицию: военными делами должны заниматься профессионалы, то есть кадровые офицеры. Троцкий смело привлекал в Красную армию бывших офицеров, отдав им почти все высшие командные посты. Привечал людей талантливых, образованных, с боевым опытом, быстро выдвигал их, не обращая внимания, есть партийный билет или его нет.

Но само название — Рабоче-крестьянская Красная армия — подчеркивало классовый характер Вооруженных сил Советской России. И когда Троцкий ставил на высшие командные должности бывших генералов, он противопоставлял себя немалой части партии.

В Красной армии служило более шестисот бывших генералов и офицеров Генерального штаба. Из двадцати командующих фронтами семнадцать были кадровыми офицерами, все начальники штабов — бывшие офицеры. Из ста командующих армиями — восемьдесят два в прошлом офицеры.

Красным служило больше выпускников Николаевской академии Генерального штаба, чем белым. Выпускники академии получали прекрасное образование, считались элитой российской армии и быстро занимали высшие командные посты. Офицеры-генштабисты внесли заметный вклад в победу Красной армии.

Большевистскому руководству это решительно не понравилось. Одни считали, что Троцкий, продвигая бывших офицеров, отступает от принципов революции. Другие сами метили на высшие должности и хотели избавиться от конкурентов. На этой почве у Троцкого появилось много врагов.

Главным среди них стал Иосиф Виссарионович Сталин. Он, без сомнения, завидовал в ту пору безграничным полномочиям Троцкого, высокому положению председателя Реввоенсовета Республики, его ораторскому таланту и популярности. Он воспринял Троцкого как опасного конкурента.

Желание одолеть Троцкого — один из главных мотивов сталинской политики. Вокруг Сталина объединятся люди, обиженные Троцким, прежде всего красные командиры, не желавшие подчиняться военным профессионалам. Именно

тогда, в годы Гражданской войны, вспыхнула вражда двух руководителей партии и государства, которая закончилась убийством одного из них.

На роль главкома Троцкий выбрал Иоакима Иоакимовича Вацетиса, бывшего царского полковника. Весной 1918 года он сформировал Латышскую советскую стрелковую дивизию, которая охраняла Кремль и в июле подавила мятеж левых эсеров. После этого Вацетис был назначен командующим Восточным фронтом, а в сентябре — главным командующим вооруженными силами республики.

Вацетис считал неправильным оскорбительное недоверие к бывшим офицерам, которые по своей воле пошли служить советской власти, а оказались под арестом. Он просил проверить правомерность действий начальника только что созданного Особого отдела ВЧК Михаила Сергеевича Кедрова.

Особый отдел доложил председателю Всероссийской чрезвычайной комиссии Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому, что в Полевом штабе Реввоенсовета, где служило много бывших офицеров, созрел белогвардейский заговор. Полевой штаб РВС руководил всеми боевыми операциями Красной армии, и служить там могли только профессионалы.

Председатель ВЧК информировал о заговоре председателя Совнаркома Владимира Ильича Ленина. Вацетиса сняли с должности и арестовали. А с ним и начальника Полевого штаба бывшего полковника и выпускника Академии Генштаба Федора Васильевича Костяева и еще нескольких ключевых штабистов. Аресты были проведены летом 1919 года, когда положение на фронтах было отчаянное!

Доволен был, кажется, один Сталин, который торжествующе писал Ленину: «Не только Всеросглавштаб работает на белых, но и Полевой штаб Реввоенсовета Республики во главе с Костяевым».

«Вацетиса, — вспоминал Троцкий, — обвинили в сомнительных замыслах и связях, так что пришлось его сместить. Но ничего серьезного за этими обвинениями не крылось. Возможно, что на сон грядущий он почитывал биографию Наполеона и делился нескромными мыслями с двумя-тремя молодыми офицерами».

Обвинения против Вацетиса и Костяева, как и следовало ожидать, оказались липовыми. Дело прекратили за отсутствием состава преступления. А в 1938 году чекисты вспомнят о былой близости Вацетиса, который препода-

вал в Военной академии имени М. В. Фрунзе, к Троцкому, и бывшего главкома расстреляют. Костяев, который тоже преподавал в академии, ушел из жизни раньше, чем до него добрались.

В годы Гражданской войны Ленин полностью доверял Троцкому. Летом 1919 года Владимир Ильич сделал фантастический для такого хладнокровного человека жест. Он взял бланк председателя Совета народных комиссаров и написал на нем:

«Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов-Ленин».

Глава правительства протянул подписанный бланк Льву Давидовичу:

— Я могу дать вам таких бланков сколько угодно, потому что я ваши решения заранее одобряю. Вы можете написать на этом бланке любое решение, и оно уже утверждено моей подписью.

Эту поразительную записку Троцкий после смерти Владимира Ильича, в 1925 году, сдал в Институт Ленина, и она сохранилась. Так что этот пример невиданного доверия Ленина к Троцкому — не вымысел. В последние годы открылись не только записки, но и целые речи, произнесенные Лениным в поддержку и защиту Троцкого от критических нападок товарищей по партии. Владимир Ильич считал военное ведомство образцовым.

Нравились созданная им военная машина, дисциплина и четкость. Американец Арманд Хаммер, который в те годы часто бывал в России, надеясь устроить с большевиками выгодный бизнес, вспоминал, как он попал на прием к Троцкому.

Военное ведомство разительно отличалось от остальных советских учреждений: скучающие сотрудники не курили в коридорах, все заняты своим делом, чистота и порядок — ни окурков на полу, ни грязных стаканов на заваленных бумагами столах.

Арманда Хаммера пригласили к четырем часам дня. Без трех минут четыре секретарь наркомвоенмора сказал:

— Товарищ Троцкий ждет вас, следуйте, пожалуйста, за мной.

Художник Юрий Павлович Анненков тоже запомнил, как приехал в особняк Наркомата по военным и морским делам на Знаменке, 19. В бывшем дворце Апраксиных в 1917-м устроили Штаб Московского военного округа. В 1918-м в особняк переехал председатель Реввоенсовета Республики. Здание именовали «Первым домом Реввоенсовета».

Анненков описал, как познакомился с наркомом:

«Поднявшись на второй этаж и пройдя по ряду коридоров с расставленными у дверей молодцеватыми подтянутыми часовыми, проверявшими пропуска с неумолимым бесстрастным видом, я очутился в приемной Троцкого.

Огромный высокий зал был наполнен полумраком и тишиной. Тяжелые шторы скрывали морозный свет зимнего дня. На стенах висели карты Советского Союза и его отдельных областей, испещренные красными линиями. За столом, у стены, сидели четверо военных. Зеленый стеклянный абажур, склоненный над столом, распространял по комнате сумеречный уют и деловитость. Как только я вошел в комнату, все четверо немедленно встали, и один из них, красивый и щеголеватый дежурный адъютант, поспешно подошел ко мне по малиновому ковру.

— Художник Анненков? — спросил он.

— Да, — ответил я, едва удержавшись, чтобы не сказать “так точно”.

— Лев Давидович вас сейчас примет.

Щеголеватый адъютант снял телефонную трубку и через несколько секунд снова обратился ко мне:

— Можете пройти в кабинет.

Он проводил меня до двери и, слегка приоткрыв ее, вполголоса прибавил:

— Налево, к окну...

Троцкий был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен. Его глаза, сквозь стекла пенсне, блестели энергией».

Знакомство с Троцким оказалось для Юрия Анненкова крайне полезным. Однажды художник забыл ключ от квартиры и полез в окно — он жил на первом этаже. Едва он стал карабкаться на подоконник, как появились два милиционера и потребовали объяснений.

«Рассказ о забытом ключе их не убедил.

— По ночам через окна порядочные не лазают! Предъявить документы!

Голос милиционера был неумолим. Ни “личной карточки”, ни иных документов у меня с собой не оказалось,

но в бумажнике нашлась моя фотография с Троцким. Я показал ее милиционерам. Они сразу же узнали “любимого вождя”, и, возвращая мне карточку, один из них сказал изменившимся голосом:

— Ладно, лезьте!

— Молчи! — прервал его другой милиционер и, повернувшись ко мне, произнес:

— Мы приносим вам, уважаемый товарищ, наши извинения. Вы видели, как советская милиция бдительна.

Подтолкнув меня на подоконник и откозыряв, они твердым шагом удалились в бесфонарную ночную тьму тогдашней Москвы».

Лев Троцкий производил впечатление личной смелостью и хладнокровием в самые опасные минуты. Он не терял присутствия духа, даже когда в него стреляли. Всю Гражданскую войну он провел на фронтах. Ленин же ни разу не покинул Москву...

Когда арестовали вожака балтийских революционных матросов Павла Ефимовича Дыбенко — по обвинению в том, что он беспробудно пил и в таком состоянии сдал Нарву немцам, — матросы явились к Троцкому требовать освобождения товарища. Сотни моряков, выкрикивая угрозы и проклятия, собрались во дворе здания, где работал Троцкий. Они жаждали его крови. Секретарь вбежал в кабинет Льва Давидовича:

— Моряки хотят вас убить. Пока еще есть время, немедленно бегите через задний ход. Они не слушают часовых и клянутся, что повесят вас на фонарном столбе!

Храбрости Троцкому было не занимать. Он выскочил из-за стола и сбежал вниз по парадной лестнице:

— Вы хотите говорить с Троцким? Я здесь!

И произнес речь, объяснив свою позицию относительно Дыбенко, которого считал дезертиром. Моряки успокоились и даже устроили ему триумфальный прием...

Храбрость Троцкого высоко ценил Ленин. Когда в Саратове восстала Уральская дивизия, Ленин и секретарь ЦК партии Яков Михайлович Свердлов попросили Троцкого немедленно отправиться туда: «...ибо ваше появление на фронте производит действие на солдат и на всю армию».

«Не будь меня в 1917 году в Петербурге, — записывал Троцкий в дневнике, уже находясь в изгнании, — Октябрьская революция произошла бы — при условии наличности и руководства Ленина. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: ру-

ководство большевистской партии помешало бы ей совершиться. В этом для меня нет ни малейшего сомнения...»

Троцкий — при всем своем самомнении — не преувеличивал своих заслуг. 25 октября 1917 года большевики взяли власть в столице под руководством председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Троцкого. Равно как неизвестно, победила бы советская власть в Гражданской войне, если бы Троцкий за несколько месяцев не создал Красную армию и не руководил ею железной рукой.

Льва Давидовича Троцкого принято считать политическим соперником Иосифа Виссарионовича Сталина, претендовавшего на пост руководителя партии и главы Российского государства. Через призму их борьбы за Кремль, в которую втянули чуть не всю страну, рассматривают историю России двадцатых годов.

Между тем сам Троцкий никогда не стремился взять власть в партии. Люди тонкие и наблюдательные давно это поняли.

«О Троцком принято говорить, что он честолюбив, — писал нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский. — Это, конечно, совершенный вздор. Я помню фразу, сказанную Троцким по поводу принятия эсером Черновым министерского портфеля:

— Какое низменное честолюбие — за портфель, принятый в неудачное время, покинуть свою историческую позицию!

Мне кажется, в этом весь Троцкий. Он совершенно не дорожит никакими титулами и никакой внешней властью. Ему бесконечно дорога, и в этом он честолюбив, его историческая роль».

И Луначарский вновь возвращается к этой мысли:

«Троцкий чрезвычайно дорожит своей исторической ролью и готов был бы, вероятно, принести какие угодно личные жертвы, конечно, не исключая вовсе и самой тяжелой из них — жертвы своей жизнью, для того, чтобы остаться в памяти человечества в ореоле трагического революционного вождя».

Так и вышло.

Не было ни троцкизма — как организованного политического течения, ни троцкистов как верных сторонников Льва Давидовича. Пока еще в начале двадцатых годов была возможна какая-то дискуссия, образованное и думающее меньшинство партии большевиков пыталось предложить

более мягкую модель развития. Троцкий как популярнейшая фигура в стране оказался неформальным лидером этого направления или, точнее, — выразителем его идей. Он даже не пытался создать некую оппозицию. Не вербовал себе сторонников. Ортодоксальный марксист, он всего лишь критиковал сталинскую командно-административную систему управления государством.

Почему Троцкий вел себя так вяло и безынициативно, когда Ленин фактически выталкивал его на первые роли?

Лев Давидович был необыкновенно яркой фигурой. Но ему не хватало того, что в избытке было у Ленина, а потом и у Сталина, — жажды власти. Председатель Реввоенсовета по-настоящему не стремился к первой роли. Он наивно полагал, что ему достаточно и того, что у него уже есть. Ему нравилась его роль мудреца, который с недостижимой для остальных вершины взирает на происходящее. Он не понимал, что борьбу за власть ведут до последнего смертного часа, а не только в годы революции и войны. Иначе потеряешь всё!

Если бы исполнилась воля Ленина — убрать Сталина с поста генерального секретаря, главой партии и государства оказался бы вовсе не Троцкий, а какой-то другой человек. Скажем, вполне разумный Алексей Иванович Рыков, который наследовал Ленину в роли главы правительства.

Лев Давидович полагал, что ему достаточно и того места в руководстве страны, которое у него уже есть. Он даже нарочито не желал участвовать в схватке за власть. Осенью 1923 года Троцкий говорил на пленуме ЦК:

— В такой ответственной в мировой истории момент тот, кто заподозрил бы меня в смешном стремлении взять на свои плечи всю громадную ответственность, взять только на себя, единолично, тот счел бы меня трижды подлецом и трижды сумасшедшим.

Но другие члены политбюро ему не верили. Троцкий был вторым человеком в стране, значит, решили они, после смерти Ленина будет претендовать на первую роль. Да и в завещании Владимир Ильич назвал его «самым способным человеком в партии».

Когда Ленин заболел, а потом умер, положение Троцкого стремительно изменилось. Его сторонников убрали со всех ответственных постов. Пропагандистский аппарат предпринял особые усилия для того, чтобы превратить Троцкого из героя революции в ее врага. На это ушли годы. Борьба с троцкизмом, отмечают историки, была сначала

ла чистой воды борьбой за власть, а затем поводом для массовых репрессий.

«Я вернулся домой из Западной Европы, — вспоминал нарком по иностранным делам Григорий Васильевич Чичерин. — В Москве все говорили о войне. Я пытался их разубеждать. Никто не собирается нападать на нас, говорил я. Потом один сотрудник просветил меня. Он сказал: “Шшшш! Нам это известно. Но мы должны использовать эти слухи против Троцкого”».

Пленум ЦК в январе 1925 года освободил Троцкого от должности наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета. Но смена военного министра несколько не ослабила контроля над вооруженными силами. Совсем наоборот. И страх перед военными не исчез. Поэтому смерть следующего наркома показалась такой подозрительной.

ФРУНЗЕ. СТРАННАЯ СМЕРТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА

Зловещие слухи о том, что председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам Михаил Васильевич Фрунзе, ставший после избрания кандидатом в члены политбюро крупной политической фигурой, умер в результате неудачно проведенной хирургической операции, сразу пошли по Москве. «Врачи зарезали...»

А вскоре заговорили уже о том, что Фрунзе вовсе не нуждался в хирургическом вмешательстве, что его, можно сказать, насильно уложили на операционный стол. И отнюдь не для того, чтобы он выздоровел, а совсем наоборот. Военный министр оказался жертвой жестокой политической борьбы в Кремле.

И двух лет не прошло после смерти Ленина. Вопрос о том, кто наследует вождю, кто станет главой партии и государства, еще не решен. Разные крупные политические деятели претендовали на первые роли. И вроде бы Фрунзе, в руках которого были вооруженные силы, или мешал кому-то, или сам претендовал на власть в Кремле. Вроде бы старые большевики именно Михаила Васильевича прочили в вожди партии.

Разговоры о неминуемом появлении русского Бонапарта продолжались. Разных людей примеривали на эту роль. Внимание публики привлекал то один, то другой жаждав-

ший власти деятель бурной и кровавой эпохи. Ходили слухи, что тот или иной военачальник метит в Бонапарты и представляет угрозу для социализма.

Выступая в Военной академии, которая вскоре получит его имя, сам Михаил Васильевич Фрунзе пожелал положить конец этим разговорам:

— Многим уже наяву и во сне грезится близость советского термидора. Высказываются затаенные надежды на то, что Красная армия окажется ненадежным орудием в руках советской власти, что она не пойдет за политическим руководством той партии, которая руководит советским кораблем. Конечно, на все эти разговоры мы можем только улыбнуться...

Когда Михаил Васильевич упомянул термидор, все понимали, что он имеет в виду.

9 термидора по французскому революционному календарю (то есть 27—28 июля) 1794 года была свергнута диктатура якобинцев, что стало концом революции. Глава якобинцев Максимилиан Робеспьер и его соратники были казнены...

Страх перед термидором не покидал советское руководство. Военные казались реальной силой, способной сбросить большевиков. А что же сам Фрунзе? Был ли в нем темперамент молодого Бонапарта? Страсть в бою? Неутихающая жажда власти? Готовность к авантюрам, наконец?

В этом мире, говаривал когда-то сам Наполеон, есть только две альтернативные возможности — или командовать, или подчиняться. Михаил Васильевич Фрунзе, несмотря на его высокий пост, вовсе не принадлежал к тем, кто с детства мечтает командовать другими людьми. Он не наслаждался правом повелевать и приказывать, отправлять на смерть и миловать. Он не воспринимался как вождь, под знамена которого спешат построиться молодые честолюбцы, чувствующие будущего победителя.

Военному министру не доставало ауры властности и непобедимости. Даже в его облике и манерах не было ничего наполеоновского — апломба и надменной победительности, рождаемой полнейшей уверенностью в своей правоте.

Но вот другой вопрос: а политические амбиции у Фрунзе были? Он не принадлежал к когорте прирожденных военных и вовсе не собирался носить форму до самой пенсии. Пост председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам — вершина карьеры? Или ступень-

ка в восхождении на олимп? Кем он сам видел себя в будущем? Не воспринимали ли Михаила Васильевича в Кремле как опасного конкурента?

Иначе говоря, стоило ли товарищам по партии, коллегам по политбюро опасаться влиятельного и популярного военного министра, разгромившего последнего командующего Белой армией барона Петра Николаевича Врангеля и вернувшего России Крым? И тем самым по существу закончившего Гражданскую войну?

У Сталина давно был свой кандидат на пост военного министра. Но генсек еще не настолько окреп, чтобы решать крупные кадровые вопросы единолично. Михаил Васильевич Фрунзе возглавил военное ведомство в результате политического компромисса. Сговорились Иосиф Виссарионович Сталин, генеральный секретарь ЦК ВКП(б), и Григорий Евсеевич Зиновьев, хозяин Петрограда и председатель Исполкома Коммунистического интернационала. После смерти Ленина Григорий Зиновьев считал себя преемником вождя и главой мирового коммунистического движения.

Он же произносил основной доклад на первом после смерти Ленина XIII съезде партии. Понимая, что он исполняет ленинскую роль, начал выступление очень благоразумно, процитировав стихи комсомольского поэта Александра Ильича Безыменского, написанные к этому случаю:

Видно, у мыслей дрогнули колени.
В омуте глаз заблудилась тоска.
— Политотчет Цека... Читает... Читает...
Не Ленин...

Григорий Евсеевич Зиновьев самонадеянно считал себя наследником Ленина — ведь он столько лет был самым близким к нему человеком, самым давним его соратником.

Фрунзе воспринимался как сторонник Зиновьева, находившегося на вершине власти. Вдвоем с председателем Моссовета и членом политбюро Львом Борисовичем Каменевым они казались мощной силой. Некоторое время после смерти Ленина страной фактически правила тройка — Сталин, Зиновьев и Каменев.

Михаил Васильевич Фрунзе, человек вполне самостоятельный, мог мешать далекоидущим планам генсека. Его положение и авторитет позволяли ему претендовать на первые роли.

Бывший помощник Сталина Борис Георгиевич Бажанов, бежавший в 1928 году за границу, писал:

«Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длинных предварительных торгов на тройке Сталин согласился — назначить Фрунзе на место Троцкого наркомвоенном и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем...

Фрунзе был очень способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет в какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами».

Бажанов, пожалуй, единственный, кто писал о замкнутости Фрунзе, кто увидел в нем политического игрока с собственной стратегией. Другие, кто знал Михаила Васильевича, напротив, вспоминали его открытость, дружелюбие и полное отсутствие интриганства. «Его любила, — мало любить, — его обожала Красная армия. Он пользовался колоссальным авторитетом и доверием», — писал один из военачальников той поры.

Может быть, на Бажанова повлияло то, что в окружении Сталина к Фрунзе относились несколько настороженно? Михаил Васильевич, возглавив военное ведомство, отменил институт военных комиссаров и поставил во главе военных округов и соединений командиров, «подобранных по принципу их военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности».

Бывший сталинский помощник разглядел в этом далекоидущий замысел:

«Глядя на списки высшего командного состава, которые провел Фрунзе, я ставил себе вопрос: “Если бы я был на его месте, какие кадры привел бы я в военную верхушку?” И я должен был себе ответить: именно эти. Это были кадры, вполне подходившие для государственного переворота в случае войны. Конечно, внешне это выглядело и так, что это были очень хорошие военные».

Бажанов пересказал свой разговор с другим помощником Сталина — Львом Захаровичем Мехлисом, который со временем станет заместителем наркома обороны и начальником политуправления Красной армии.

Бажанов осторожно поинтересовался у него: каково мнение генерального секретаря относительно новых назначений в армии?

— Что думает Сталин? — переспросил Мехлис. — Ни-

чего хорошего. Посмотри на список: все эти тухачевские, корки, уборовичи, авксентьевские — какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной армии.

18 брюмера 1799 года молодой генерал Бонапарт произвел во Франции государственный переворот и со временем стал императором Наполеоном. Брюмер — второй месяц (с 22 октября по 20 ноября) французского республиканского календаря, принятого после революции (иначе говоря, генерал Бонапарт взял власть 9 ноября).

— Это ты от себя, — уточнил Бажанов, — или это сталинское мнение?

Лев Мехлис, по словам Бажанова, надулся и с важностью ответил:

— Конечно, и его, и мое.

Мехлис в изображении Бажанова предстает несколько карикатурным персонажем. Но Лев Захарович, человек храбрый и мужественный, в Гражданскую воевал на Южном фронте, был комиссаром 46-й дивизии, поднимал бойцов в атаку, ситуацию в армии и самого Фрунзе знал неплохо. В ноябре 1922 года Сталин взял Мехлиса в свой личный секретариат. Через год повысил: Мехлиса утвердили первым помощником генсека и заведующим бюро Секретариата ЦК. В его руках оказалась вся канцелярия важнейшего партийного органа, ведавшего в первую очередь расстановкой кадров. Он же отвечал за подготовку материалов к заседаниям Политбюро.

«Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно, — писал Бажанов. — Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений.

Что бы это могло значить? Может, Сталин делает вид, что он против зиновьевского ставленника Фрунзе, а на самом деле заключил с ним секретный союз против Зиновьева? На это не похоже. Фрунзе не в этом роде, и ничего общего со Сталиным у него нет.

Загадка разъяснилась только в октябре 1925 года, когда Фрунзе, перенеся кризис язвы желудка (от которой он страдал еще со времен дореволюционных тюрем), вполне поправился. Сталин выразил чрезвычайную заботу об его здоровье: «Мы совершенно не следим за драгоценным здоровьем наших лучших работников». Политбюро чуть ли не

силой заставило Фрунзе сделать операцию, чтобы избавиться от язвы...

Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе, а его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой...

Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевского и прочих) расстрелял в свое время».

Ученый — боевик — полководец

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января 1885 года в городе Пишпек Семиреченской области Туркестанского края. Этот город после смерти Михаила Васильевича несколько десятилетий носил его имя (ныне столица Киргизии переименована в Бишкек). Мать, Мавра Ефимовна, была русской. Отец, Василий Михайлович, — молдаванином. Они переехали в Туркестан из села Терновка, расположенного рядом с Тирасполем.

Его необычно звучащая фамилия — румынского происхождения. И писалась несколько иначе — Фрунзеэ. Михаил Васильевич в 1919 году для простоты отбросил последнюю букву. О своих исторических корнях он вспомнит много позже, когда примет участие в создании Молдавской Автономной Республики.

Фрунзе всегда учился прекрасно. У будущего военного министра в юности обнаружили задатки настоящего ученого. Золотая медаль открывала дорогу в любое учебное заведение. Он выбрал экономическое отделение Петербургского политехнического института. Фрунзе был человеком тонко чувствующим, равнодушным к страданиям других людей. Это вовлекло его в революционную деятельность, но помешало получить образование — он окончил только три курса института.

Из всего многообразия политических сил Фрунзе выбрал самых радикальных социалистов: в ноябре 1904 года

вступил в партию большевиков. Как заправский охотник, с детства владевший оружием (первым оружием был самодельный пистолет, стрелявший дробью), организовал боевую дружину.

Важно отметить, как легко мягкий и чувствительный юноша, намеревавшийся стать кабинетным ученым, превратился в уличного революционера, собиратель гербариев для ботанического сада — в боевика, готового стрелять в людей. Революция ломала всё. В разгар первой русской революции с небольшим боевым отрядом Фрунзе прибыл в Москву и принял участие в перестрелках с полицией — возле Зоологического сада, в районе Ваганьковского кладбища.

В ночь на 24 марта 1907 года Фрунзе взяли с оружием в руках: при нем были маузер и браунинг, два карабина. После первой революции боевиков боялись. Поэтому полиция действовала грубо, при аресте ему изрядно досталось ружейным прикладом — удар пришелся прямо в лицо, повредив нос и зубы.

Самым опасным было обвинение в попытке убить полицейского урядника Никиту Перлова. Михаил Васильевич всячески отрекался, уверял, что вообще в тот день находился в Москве. Но следствие объяснения не приняло, и обвинение было переквалифицировано на более тяжкое. Фрунзе действительно стрелял в урядника, но плохо, неумело — промахнулся. Покушение на жизнь представителя власти каралось высшей мерой. Жестокостью надеялись остановить боевиков, которые охотились на своих врагов из охранки.

Военно-окружной суд Московского военного округа 27 января 1909 года вынес приговор: «Лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение».

Семья — мать, сестры, брат — была буквально раздавлена. Михаила Васильевича заковали в кандалы. Ему стало по-настоящему страшно — жизнь кончалась. «Мы, смертники, обыкновенно не спали до пяти утра, — вспоминал он, — чутко прислушиваясь к каждому шороху после полуночи, то есть в часы, когда обыкновенно брали кого-нибудь и уводили вешать».

Но ему повезло с защитником. Тот нашел юридически убедительные основания и добился того, что главный военный суд удовлетворил кассационную жалобу — приговор отменили. Но 23 сентября 1910 года его вновь приговорили к смертной казни — доказательств вины было достаточно. Он опять по ночам со страхом прислушивался, не

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru